Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Анн Нива: «Я буду ждать выхода из тупика» | Anne Nivat : « Je vais attendre la sortie de l’impasse »

Автор: Надежда Сикорская, Женева , 02.10.2024.

Анн Нива в эфире канала LCI (скриншот)

Известная французская журналистка представила в Женеве свою книгу «Ненависть и

отрицание», посвященную войне в Украине.

|

Une célèbre journaliste française a présenté à Genève son livre « La haine et le déni » » consacré à la guerre en Ukraine.

Anne Nivat : « Je vais attendre la sortie de l’impasse »

Анн Нива – французская журналистка и хроникёр военных конфликтов, специализирующаяся на освещении событий в горячих точках планеты. Выпускница парижского Института политических исследований, в 2000 году Анн Нива завоевала престижную французскую журналистскую премию Альберта Лондра за книгу *Chienne de guerre: une femme reporter en Tchétchénie* (в российском издании — «Проклятая война» или «Сучья война»), которую она написала после пребывания в Чечне. В 2004 году она получила литературную премию Эрвана Берго за книгу о последствиях войн в Афганистане и Ираке.

В Википедии можно прочитать, что «для Анн Нива характерна своеобразная манера сбора информации. Она работает, как правило, без официальной аккредитации, не использует современные гаджеты, а лишь блокнот и авторучку, живёт только в домах местных жителей и одевается как местные женщины. Она утверждает своё право на «неторопливый рассказ», на репортажи «по старинке», на голос «изнутри» событий, растворяясь в местном быте, сообщая о том, что действительно происходит в данной местности».

Все двенадцать написанных ею книг не только подтверждают эту «характеристику», но и дают внимательному читателю возможность увидеть, что за образом смелой, сильной, порой резкой в своих суждениях женщины стоит не только высочайший профессионал, но и глубоко и тонко чувствующий человек.

Последняя по времени книга Анн Нива вышла в издательстве Flammarion совсем недавно. Она называется «Ненависть и отрицание» и посвящена войне в Украине, четкая оценка которой дается автором уже в первой фразе: «Я пишу раз и навсегда: в этой войне, которая началась 24 февраля 2022 года, Россия – агрессор». А чуть ниже разъясняется подход автора к изложению событий: «Не принадлежать ни к одному лагерю; не слушать наказов ни тех, ни других; двигаться свободно, никому не будучи обязанной, на службе информации, – вот то, чего я хочу. Быть активистом – не мое дело. А документировать конфликт с двух сторон – мое».

Одно из достоинств книги – ее подчеркнутая сбалансированность. Главы, посвященные Украине, чередуются с главами, посвященными России. Всего их восемь, по четыре с каждой стороны. Сбалансированность тут не только внешняя, так сказать, но и внутренняя. Точно и правдиво, без оценок и «лирических отступлений» автор доносит до нас мнения о продолжающейся войне людей, оказавшихся по разные стороны линии фронта. А мнений этих столько же, сколько было у автора собеседников – великое множество. На наш взгляд, эта чрезвычайно информативная книга может реально помочь разобраться в сложнейшей ситуации всем тем, кто искренне к этому стремится. А также оценить царящий во многих головах хаос.

Не знаем, выйдет ли книга на украинском и русском языках, но это было бы здорово.

А пока не так давно Анн Нива представляла французский оригинал в Женеве, и нам выдалась возможность встретиться с ней и поговорить.

Anne Nivat

LA HAINE ET LE DÉNI

Avec les Ukrainiens et les Russes dans la guerre

Flammarion

Анн, Вы – дочь французских славистов, переводчиков русской литературы Жоржа и Люсиль Нива. Был ли Ваш интерес к России предопределен? С чего он начался? Что побудило Вас выучить русский язык?

Я не верю в предопределенность, но верю в увлеченность, в страсть, в труд каждого человека. Действительно, мои родители – специалисты по русской литературе. Когда мы с братом были маленькими, они часто говорили дома по-русски, чтобы мы их не понимали. Разумеется, мне, маленькой девочке, понять страшно хотелось, это непонятный иностранный язык казался мне волшебным. Помимо русского, я говорю по-английски, по-немецки, по-итальянски, так что я вообще люблю языки. Но, действительно, русский я люблю в первую очередь не «из-за», а благодаря моим родителям.

При этом мои отношения с Россией – это мои собственные отношения, иные, чем у них. Я прожила в России гораздо дольше, чем они в бывшем СССР – десять лет, с 25 до 35 лет, важнейших лет моей жизни. Россия – часть меня, эти годы незабываемы. До того, как поселиться там, я провела год в Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета в качестве обладателя стипендии Фулбрайта. Мне хотелось побыть некоторое время на Западе, прежде чем отправиться на Восток. Сейчас, когда я с вами обо всем этом говорю, мне кажется, что речь идет о другом мире, о другой жизни.

Помните ли Вы свою первую поездку в Россию?

Прекрасно помню! Я поехала одна, на поезде Париж-Москва, это было в 1990 году. Я помню долгую остановку на границе с Белоруссией, где надо было переставлять вагоны на вагонные тележки, предназначенные для движения по иной, советской колее. Это произвело на меня огромное впечатление. Какой-то рабочий попросил у меня сигаретку – по-русски, конечно. Я дала ему эту сигаретку, четко осознав в тот момент, что вхожу в иной мир.

Мы с Вами почти ровесницы и защищали диссертации почти в одно и то же время. Ваша, написанная под руководством Элен Каррер д'Анкосс, называлась «СМИ и политическая власть в России во время переходного периода: трудный путь к автономии от конца СССР до возрождения России, 1985-1994 гг.», а моя, написанная под руководством профессора Ясена Николаевича Засурского, была посвящена телеканалу ARTE – первому на тот момент европейскому опыту двуязычного канала, который мог бы пригодиться в менявшемся СССР. То есть обе наши работы были связаны с переходным периодом. Почему, на Ваш взгляд, он завел совсем не туда, куда мы надеялись?

Ох, на такой вопрос быстро не ответишь! Но знаете, я ни участница событий, ни комментатор. Я наблюдатель. Для меня важно наблюдать, что происходит за пределами «моего» пространства, и объяснять происходящее моей аудитории, прежде всего франкоязычной. Именно это – моя страсть. Как Вы знаете, уровень незнания, непонимания России на Западе был огромен даже до войны, так что объяснять приходится много. Свою задачу я всегда видела в том, чтобы снижать этот уровень незнания, чтобы те, кто не знают совсем ничего, узнали бы хоть что-то. С годами цель не изменилась. Сегодня все говорят о России из-за войны в Украине, повторяя те же самые клише, что и десятилетия назад.

И с другой стороны то же самое…

Совершенно верно, в России также не понимают Запад. Мы имеем дело с полным взаимным непониманием, которое с годами только росло и достигло пика сейчас, в рамках вооруженного конфликта.

Как начался для Вас день 24 февраля 2022 года?

Плохо. Очень плохо. Эта новость была как удар под дых. Я говорила себе, что подобное невозможно, при этом понимая, что колесо уже покатилось, и это конец. Я слишком хорошо знаю, как легко начать войну, и как трудно ее остановить. Первой войной, которую я освещала, была война в Чечне – под российскими бомбами. И вот – докатились, круг замкнулся, я снова наблюдаю за войной, идущей под российскими бомбами.

Каждая из войн, которые мне довелось освещать (к уже упомянутым следует добавить Ирак и Афганистан), были очень разными, но с одним общим фактором – их было крайне трудно остановить. И сегодня я страдаю от того, что нынешняя война тоже не заканчивается.

Отличает ли что-то эту войну от всех других, Вами пережитых?

Да. В Афганистане и Ираке речь шла о западной коалиции против террористических группировок, о вторжении в далекую страну – обоснованном или нет. В случае Украины и России речь идет о двух странах, обладающих общей границей. В этой войне кое-что напоминает мне Чечню, даже с учетом того, что чеченцы – мусульмане, а это все меняет. Многие чеченцы говорили мне, видишь, мол, наша война никого на западе не интересовала, а украинцам это удалось.

Как Вы это объясняете? Ведь не секрет, что и Швейцария предоставила украинским беженцам условия, о которых и мечтать не могли их товарищи по несчастью из других стран.

Прежде всего, Чечня входила и продолжает входить в состав Российской Федерации, что совершенно меняет статус войны, делая ее – в глазах Москвы – войной внутренней. Украина же – независимое государство, и нормально, что отклик на вторжение на ее территорию иной. При этом, повторяю, мне кажется, что тот факт, что чеченцы – мусульмане, сыграл свою роль. Западной Европе легче открывать свои двери перед не мусульманами, многие мои чеченские знакомые разделяют такую точку зрения.

В течение многих лет Вы работали в печатной прессе: Le Point, Libération, International Herald Tribune, пока эта газета не прекратила свое существование, New York Times и Washington Post. В последнее время Вас все чаще можно увидеть по телевидению. После перехода с RTS на LCI Дариуса Рошбена, многие швейцарские телезрители тоже переключились на этот канал. Раньше Вы были там «просто» частой гостьей, а с 30 августа этого года ведете передачу по пятницам и субботам в 22 часа. Как это получилось? Значит ли это, что телевидении мощнее и важнее газет, и удается ли Вам сохранить независимость оценок, которой всегда отличалась Ваша профессиональная деятельность?

Ответ на Ваш последний вопрос однозначен – да, удалось. Такой уж у меня характер,

и никому его не изменить. Что касается значимости телевидения, то мой цоколь, моя база – это печатное слово, прежде всего – мои книги. Последняя из них, «Ненависть и отрицание», посвящена как раз войне в Украине.

У меня две ноги, так сказать: одна письменная, другая устная. Мощь живого устного слова огромна, именно поэтому я согласилась сотрудничать с телевидением, предоставив в его распоряжение мои знания и опыт. Но при условии живого эфира – я бы никогда не согласилась участвовать в заранее записываемых передачах.

Среди различных экспертов, собирающихся в студии для обсуждения войны в Украине, Вы, наверное, знаете и понимаете Россию лучше многих. Мне, как зрителю, не хватает хоть кого-то из «нормальных россиян», чья позиция была бы между радикально противоположными позициями бывшего агента КГБ и сотрудника российского посольства в Париже. А Вас не коробит такая однобокость и заведомая предсказуемость дискуссии?

На телевидении существуют определенные коды, но мне вовсе не кажется, что эти дискуссии предсказуемы, наоборот, особенно в прямом эфире. Кроме того, я постоянно насколько возможно открываю дискуссию с приглашенными в студию.

С 2010 года Вы ведете курс в рамках магистерской программы Академии журнализма и СМИ Университета Невшателя. Что Вы думаете о грядущих преобразованиях в швейцарском медиапространстве, о планах по слиянию редакций, по сокращению штатов?

Совершенно верно, каждую зиму я приезжаю в Невшатель, где читаю курс по искусству репортажа – моему любимому жанру. Что касается «преобразований», то все это ужасно. Я в ужасе от превращения системы журнализма в систему производства контента. Для меня журналисты незаменимы, а те, кто плохо работают, должны свою работу улучшать. Но плохо работают далеко не все! На мой взгляд, публика нуждается в людях, способных расставлять для нее информационные приоритеты, объяснять те или иные события. Это – настоящая работа, требующая усилий. Тот факт, что некоторые журналисты не считают сегодня нужным прилагать усилия, не просто расстраивает меня лично, но дает аргументы владельцам СМИ в пользу сокращений бюджетов и штатов. Журналистика, как и книги, рискует превратиться в нишевое качественное пространство. В какой-то степени это уже произошло. Многие спрашивают меня, как разобраться в потоке информации, кому верить?

И что Вы им отвечаете?

Я отвечаю, что они тоже должны прилагать усилия: пользоваться разными источниками, сравнивать получаемую информацию. Работать головой, думать.

Напомню, что в 2012 году Вы в очередной раз поехали в Россию, но не по журналистской визе, а по деловой, за что Вас выслали с российской территории. На основе этого опыта, что Вы думаете об обменах заложниками, разменной монетой в которых все чаще становятся журналисты?

Моя личная история на этом фоне – это сущая мелочь. Тут просто произошло недоразумение – мелкий чиновник в глубинке проявил излишнее рвение. Кстати, тогдашний посол России во Франции даже принес мне извинения, что было приятно,

после чего мне в очередной раз выдали визу без всяких проблем. Но это было в 2012 году, с тех пор очень многое изменилось. Получить журналистскую визу сегодня крайне сложно, и выдают их на очень ограниченное число дней – в последний раз, когда я ездила в Белгород в момент президентских выборов, мне выдали визу всего на восемь дней. При этом журналистам из «дружественных» стран выдали, как всегда, трехмесячные визы. Но Франция – в списке недружественных стран!

Что же касается арестов журналистов для их последующего использования в качестве разменной монеты, как вы говорите, — это вопиющее безобразие. Обвинения журналистов в шпионской деятельности – трагедия. Со мной такое случилось только однажды, в 2000 году в Чечне. Да и то, опять отличились маленькие начальники, а не высокопоставленные чиновники. Из того, что я наблюдаю, нельзя не сделать вывод, что работать журналистам в России сегодня крайне тяжело, и, возможно, это одна из причин моего согласия поработать некоторое время на телевидении. Я очень рада, что успела написать мою последнюю книгу о России и Украине. И пока это всё, я буду ждать. Я очень хочу еще вернуться в Россию. И не раз.

Чем закончится эта война, как Вы думаете?

Ничем хорошим. Я пока не оптимистка. Мы очень далеки от ее завершения. Мы в тупике.

война в Украине

Надежда Сикорская
Nadia Sikorsky
Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:
http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ann-niva-ya-budu-zhdat-vyhoda-iz-tupika